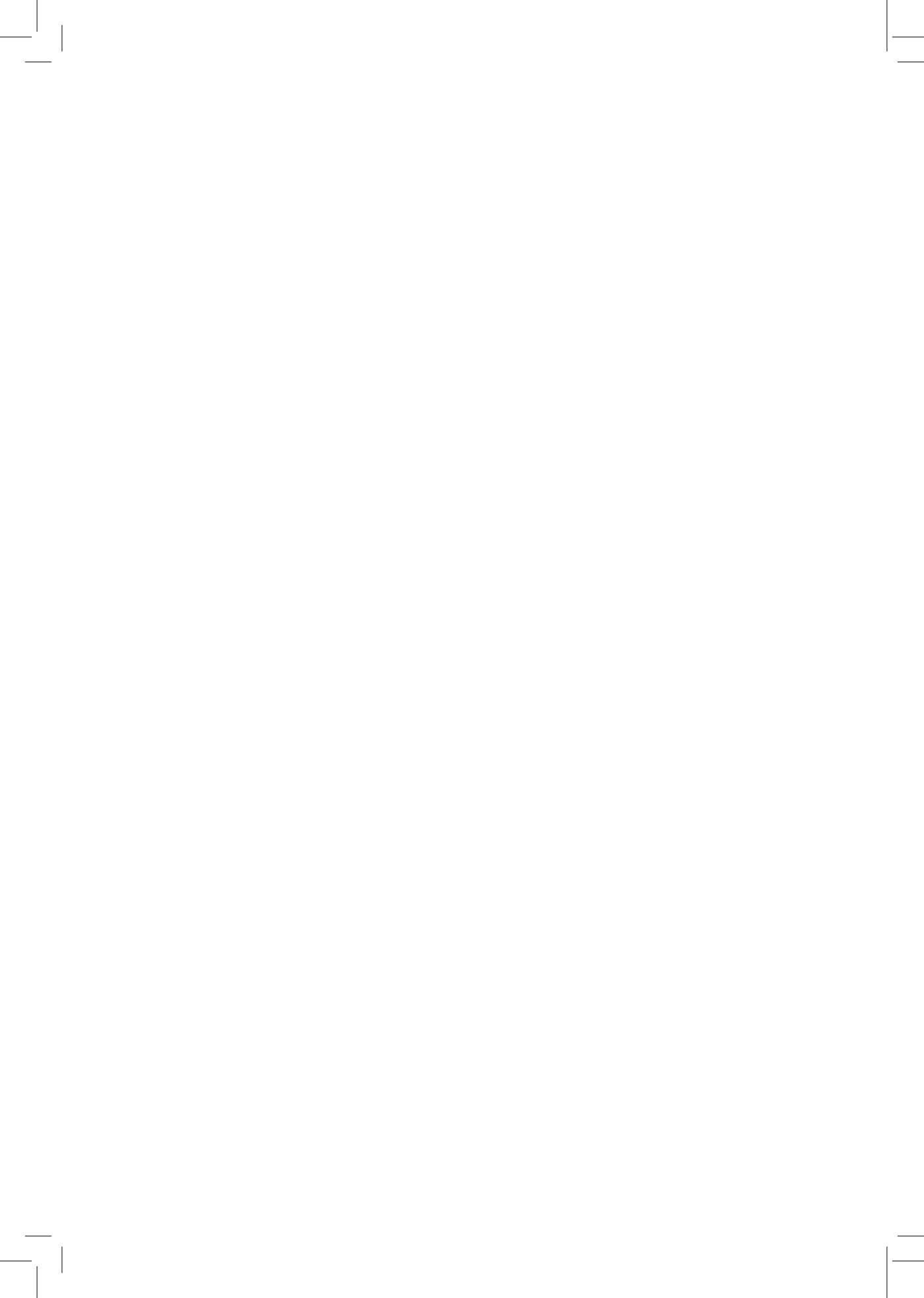

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ
И ОБОРОННАЯ ПОЛИТИКА:
в поисках национального интереса
1955–1968 гг.**

§1. Определение «стартовых позиций»

Создание 14 мая 1955 г. Организации Варшавского Договора (ОВД) серьезно повлияло на развитие системы международных отношений в целом и их региональные аспекты в частности. Примечательным фактом процесса формирования этого военно-политического блока была заинтересованность в нём не только СССР, но и постепенно усиливавшего свои позиции на мировой арене коммунистического Китая¹. За год до официального подписания документа о создании Организации Варшавского Договора вооруженные силы будущих балканских участников пакта — Албании, Болгарии и Румынии, по оценкам американской разведки, во многом соответствующим реальному положению дел, представляли довольно серьезную военную силу в региональном масштабе.

Таблица 1

Вооруженные силы Балканских государств — будущих членов ОВД

(по американским разведывательным оценкам на июль 1954 г.)²

Страна / Вид или род вооруженных сил	АЛБАНИЯ	БОЛГАРИЯ	РУМЫНИЯ
ЧИСЛЕННОСТЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ СУХОПУТНЫХ СИЛ			
Сухопутные силы	30 тыс.	200 тыс.	215 тыс.
Внутренние войска и вооруженные формирования госбезопасности	10 тыс.	50 тыс.	78 тыс.
Дивизии:			
Бронетанковые	0	2	1
Механизированные	0	0	0
Стрелковые	3	12	12
Обученные и слабо обученные резервисты	37 тыс. 500	550 тыс.	450

¹ Mastny V. China, the Warsaw Pact, and Sino-Soviet Relations under Khrushchev// Parallel History Project on Cooperative Security (PHP, the former Parallel History Project on NATO and the Warsaw Pact). — www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_china_wapa/intro_mastny.cfm?navinfo=16034

² Составлено по: Probable Developments In The European Satellites Through MID-1956. National Intelligence Estimate Number 12-54. 24.8.1954. P. 18–20 — http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000269325

Политическая идеология и оборонная политика

Страна / Вид или род вооруженных сил	АЛБАНИЯ		БОЛГАРИЯ		РУМЫНИЯ	
КОЛИЧЕСТВО САМОЛЁТОВ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВВС						
Номенклатура боевой техники в Военно-воздушных Силах и виды боевой техники	Планиро- валось	Наличие	Планиро- валось	Наличие	Планиро- валось	Наличие
Истребители Из них: Реактивные Поршневые	0 10	0 10	270 100	110 90	220 0	160 0
Штурмовики	0	0	130	110	120	80
Лёгкие бомбардировщики Из них: Реактивные Поршневые	0 0	0 0	0 120	0 70	0 40	0 30
Транспортные самолёты	0	0	30	20	30	20
Разведывательные самолёты	0	0	40	20	40	30
Общее количество самолётов в ВВС	10	10	690	420	450	320
Общее количество военно-служащих ВВС	200 тыс.		14 тыс.		12 тыс.	
КОЛИЧЕСТВО СУДОВ ВМФ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ФЛОТА						
Эскадренные миноносцы	0	0	0	1	0	4
Подводные лодки	0	0	0	0	0	3
Патрульные суда	0	14	0	31	0	23
Миноносцы	0	3	0	20	0	4
Десантные суда	0	0	0	0	0	0
Вспомогательные суда	0	0	0	4	0	2
Число военнослужащих	800 чел.		4900		7500	

В то же время боевой потенциал и оперативные возможности национальных вооруженных сил балканских членов ОВД без учёта находившихся в них до начала 60-х гг. XX в. подразделений вооруженных

сил СССР уступал по ряду параметров военно-техническому, но не кадровому, потенциалу членов НАТО — Греции и Турции, к которым при определенных обстоятельствах (угроза вооруженной интервенции) могла присоединиться Югославия, обладавшая также одной из наиболее боеспособных армий в регионе¹. Особую обеспокоенность в этой связи проявляли Албания и Болгария, находившиеся на линии соприкосновения с Североатлантическим альянсом².

Прошедшие в 1955–1956 гг. заседания высших органов НАТО с участием представителей балканских членов организации — Греции и Турции — выявили стремление последних обращать внимание не только на оборонные усилия альянса в Средиземноморском регионе, но и на экономические аспекты сотрудничества в рамках пакта. Важным аргументом в этом отношении выступали действия СССР, рассматривавшиеся Афинами и Анкарой как «мирное наступление» с использованием экономических методов проникновения в Грецию и Турцию³.

В то же время парадокс складывавшейся в ОВД ситуации заключался в том, что интерпретация политических и оборонных задач в рамках пакта у большинства его членов, несмотря на декларированную лояльность в отношении Москвы, по объективным причинам обладала конфликтогенным потенциалом. Так, в частности, в 1955 г. министр обороны Румынии Э. Боднэраш в беседе с Н. С. Хрущевым поднимал вопрос о необходимости вывода советских войск из страны, полагая, что их присутствие

¹ Подробнее об этом: *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama, 1949–1955, Zagreb, 1988; *Bogetiuh D.* Војни преговори Југославије са Западом у светлу опасности од оружане интервенције источноевропских држава// Војноисторијски гласник. 2003. № 1–2; *Bogetić D.* Jugoslavija i Zapad, 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO–u, Beograd, 2004; *Dimitrijević B.* JNA od Staljinca do NATO pakta. Armija u spoljnoj politici Titove Jigoslavije, Beograd, 2006; *Dimitrijević B.* Jugoslovenska armija 1945–1954. Nova ideologija, vojnik i oružje, Beograd, 2006; *Dimitrijević B.* Jugoslavija i NATO (1951–1957), Beograd, 2003.

² *Животич А.* България във плановете на балканските съюзници (1952–1955)//Военно-исторически сборник. 2006. № 3.

³ Ministerial Meeting of North Atlantic Council. Paris, December 15–16, 1955. Telegram 1502. Secret. Important. Paris, December 15th, 1955//Documents on Canadian External Relations. Volume # 21 — 235. Chapter II. North Atlantic Treaty Organization. Part 10. — <http://www.international.gc.ca/departement/history-histoire/dcer/details-en.asp?intRefid=1141>; Ministerial Meeting of North Atlantic Council. Paris, December 15–16, 1955. Telegram 15172. Secret. Important. Paris, December 19th, 1955//Documents on Canadian External Relations. Volume № 21 — 239. Chapter II. North Atlantic Treaty Organization. Part 10. — <http://www.international.gc.ca/departement/history-histoire/dcer/details-en.asp?intRefid=1141>; North Atlantic Council. Summary Record of meeting of the Council held at the Palais de Chaillot, Paris, XVIe., on Saturday, 5th May, 1956, at 3 p.m. — http://www.nato.int/archives/committee_of_three/2_reference.pdf. О политике «мирного наступления» СССР и его экономической стратегии на турецком и греческом направлениях в: *Улуян Ар. А.* Горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960. М., 2001.

уже серьезно не влияло на военно-политическую обстановку в регионе. Румыния, по словам Боднэраша¹, находилась в кольце социалистических стран, и единственное не прямое соприкосновение с государством-членом НАТО — Турцией — было лишь на Черном море. Москва постаралась ослабить нажим со стороны Бухареста и смогла, в конечном счёте, добиться того, что 3 декабря 1956 г. была обнародована советско-румынская декларация. В ней заявлялось о том, что в условиях, когда силы НАТО размещаются в непосредственной близости от социалистических стран, присутствие советских вооруженных сил в Румынии является необходимым². Однако уже спустя два года — 17 апреля 1958 г. — позиция Москвы была изложена в специальном письме Хрущева главе Румынии Г. Георгиу-Дежу. На этот раз уже Кремль заявлял об изменении международной ситуации, позволяющей вывести советские войска³. 24 мая 1958 г. Хрущев сделал заявление о сокращении советских войск в Восточной Европе и сообщил о готовности вывести советские войска из Румынии. Оба события не являлись простым совпадением⁴ и отражали общую политическую линию Москвы, стремившуюся провести реформирование своей оборонной доктрины⁵. На протяжении 1958 г. Бухарест всё более настойчиво выражал заинтересованность в выводе советских войск из Румынии. В 1960 г. Георгиу-Деж уже выступал за реструктуризацию всей системы управления Варшавского пакта с тем, чтобы Москва согласилась на участие её восточноевропейских союзников в выработке стратегических решений пакта.

Изначально ОВД позиционировалась советской стороной как военно-политический блок европейских коммунистических стран, не подлежащий расширению в «проблемных» направлениях, к числу которых относилось дальневосточное⁶. Ситуация, складывавшаяся внутри пакта, представляла

¹ Подробнее об Э. Боднэраше и его роли в истории румынской компартии см.: Comisia Prezidențială Pentru Analiza Dictaturii Comuniste Din România. Raport Final. București, 2006. Материал также доступен в сети Интернет: http://www.presidency.ro/static/ordine/RAPORT_FINAL_CPADCR.pdf

² Подробнее об этом: *Deletant D. Communist Terror in Romania: Gheorghiu-Dej and the Police State 1948–1965*. New York, 1999. P. 270.

³ Текст письма в: *România. Retragerea trupelor sovietice*. P. 273–274.

⁴ *Deletant D. Romania, 1948–1989. An historical overview. Introduction//Romania and Warsaw Pact: 1955–1989*. Ed. by Deletant D, Ionescu M. Cold War International History Project. Working Paper N 83. Washington, 2004. P. 14

⁵ Подробнее о выводе войск см. *România. Retragerea trupelor sovietice: 1958*. Coord. Scurtu I. București, 1996.

⁶ Так, в частности, во время происходивших на протяжении 50-х гг. обсуждений в руководстве ОВД по вопросу об участии Монголии в этом блоке, часть его членов, включая СССР, высказывали опасения в связи с фактом расширения зоны ответственности пакта и высокой степенью вероятности вступления в прямой конфликт с Западом в азиатском и дальневосточном регионах уже на уровне межблоковой конфронтации ОВД–НАТО.

серьезный интерес для его оппонента в лице НАТО и ведущей силы Североатлантического альянса — США¹. Именно поэтому взаимоотношения между членами каждого из противостоявших блоков серьезно влияли на их позиции в наиболее важных с военно-стратегической точки зрения районах непосредственного взаимного соприкосновения. Среди них были Балканы, имевшие выход на средиземноморский, черноморский и ближневосточный оперативные направления. Уже в первой половине 50-х гг. Москва уделяла особое внимание советскому присутствию в Средиземноморье. Коммунистической Албании — союзнице СССР — предстояло играть в этом важную роль. Ответственность за данный регион в тактическом отношении лежала на советском Черноморском флоте², и одна из первых демонстраций присутствия СССР здесь состоялась 28 мая — 7 июня 1954 г., когда проходил визит в Албанию отряда кораблей ВМФ СССР под командованием командующего ЧФ адмирала С. Г. Горшкова. В составе группы кораблей были крейсер «Адмирал Нахимов», а также 2 эскадренных миноносца. Серия подобных визитов, состоявшаяся во второй половине 50-х гг., лишь подчеркивала важность Албании для СССР и всего Восточного блока в военно-морском отношении. Одновременно Москва и Тирана заключили договор о строительстве военно-морской базы ВМФ на албанском побережье Средиземноморья. Советская концепция развития военно-морских сил на протяжении со второй половины 50-х гг. и до середины 60-х гг. XX в. во многом формулировалась с высокой степенью субъективизма и отражала противоречия между сторонниками и противниками создания парка авианесущих кораблей. Главком ВМФ адмирал Горшков, занявший эту должность 5 мая 1956 г., был сторонником последней точки зрения и считал, что авианосцы уязвимы и не обладают достаточной огневой мощностью, в то время как ракетносцы, наоборот, наиболее приемлемы для советского флота. Подобное отношение начало меняться лишь в середине 60-х гг. XX в.³ Прологом к этому послужило придание в высших советских военных кругах в начале 60-х гг. особого акцента

¹ The Tie that Binds — Soviet Intra-bloc relations. Feb 1956 to Dec 1957. (Reference titles: CAESAR VI-A and VII-58). 29 July 1958. Soviet Staff Study. Office of Current Intelligence. Central Intelligence Agency. — <http://www.foia.cia.gov/CPE/CAESAR/caesar-21.pdf>

² Подробнее о роли Черноморского флота в военно-морской политике СССР в: *Сну-рин А.* Участие черноморского флота во внешнеполитической деятельности советского государства во второй половине 40-х — 50-е годы XX века // Военно-исторический журнал. 2005, № 10.

³ Из всех ныне существующих работ, в которых исследуется советская военно-морская политика и её эволюция, наиболее полно проблема освещена в: *Herrick R. W.* Soviet Naval Doctrine and Policy 1956–1986. Lewiston, N.Y., 2003. V. 1–3; *Petersen Ch.* Aircraft Carriers In Soviet Naval Theory from 1960 to the Falklands War. Professional Paper 405/ January 1984. Center For naval Analyses. Naval Studies Group. Alexandria, 1984.

концепции «господства на море», хотя в официальных открытых документах сам термин характеризовался сквозь призму советских идеологических установок и подчеркивалось, что советские вооруженные силы «в настоящее время его [данное понятие] не используют»¹. Советская средиземноморская эскадра начала развертывание в регионе с 1964 г., а с 1967 г. она усилила своё присутствие за счёт получения портов базирования в Египте.

Советская военная активность в Албании и прилегающих водах Средиземноморья, а также в целом на Балканах рассматривалась в военных, политических и журналистских кругах стран Западного блока как направленная на усиление присутствия СССР в стратегически важном регионе. Ситуация в балкано-средиземноморском и черноморском регионах занимала важное место в аналитических материалах оборонных ведомств стран-участниц НАТО из числа европейских держав, в частности Франции. В соответствии с оценкой французского Генерального штаба, сделанной в сентябре 1955 г., «после 1948 г., когда Югославия вышла из Коминформа, Болгария стала важным фактором для Кремля на балканской шахматной доске... Её армия является одной из наиболее верных и обученных среди государств-сателлитов... Три страны, с которыми Болгария могла бы находиться в состоянии войны, — нейтральная Югославия, Греция и Турция — члены НАТО»². Французская военная разведка, представившая данные оценки в своём докладе Генеральному штабу, делала предположения о том, что Болгария могла, в случае необходимости, провести стремительное наступление по всем трём направлениям, включая побережье Эгейского моря, и даже на Стамбул (в последнем случае — при поддержке советской авиации)³.

Однако взаимоотношения внутри Варшавского пакта свидетельствовали о том, что между Москвой и её отдельными союзниками по ОВД из числа Балканских коммунистических стран начинали усиливаться противоречия. Визит в Югославию партийно-государственной делегации СССР во главе с Н. С. Хрущевым, состоявшийся 26 мая — 2 июня 1955 г., и принятие совместной Белградской декларации, которая подтвердила нормализацию советско-югославских отношений⁴, был с настороженностью воспринят албанской стороной, находившейся в конфронтационных отношениях с со-

¹ Словарь основных военных терминов. Москва, 1965. С. 65.

² Аналитичен доклад на Френския ГЩ относно военния потенциал на Българската армия. 1.9.1955 г. Л. 2, 6// България и Варшавският договор. Съставителство и редакция в колектив, отговорен редактор Йордан Баев. Мултимедийно СД-РОМ издание. София, 2000.

³ Там же.

⁴ Подробнее в: *Едемский А.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Романенко С.* Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX в. — 1991 г.). М., 2011.

седней Югославией¹, хотя на официальном уровне глава Албании Э. Ходжа согласился с подписанным обеими сторонами документом. Последний факт был отмечен югославской дипломатией, что нашло своё выражение во включении югославским посольством в Тиране в дипломатическое сообщение перевода на сербский язык статьи Э. Ходжи «Вклад в дело мира на Балканах», опубликованной в партийном органе «Зери и популлит». Примечательным был пассаж о том, что «албанский народ с одобрением воспринял Белградскую декларацию, солидаризируясь с ней, и стремится, чтобы отношения между Албанией и Югославией были нормализованы, были хорошими и дружескими»². Тем не менее в складывавшейся ситуации, как отмечал посланник ФНРЮ А. Милатович, в руководстве Албанской партии труда (АПТ) начали проявляться признаки недоверия в отношении СССР и усилились колебания по вопросам политики на «югославском направлении». Полученная Милатовичем информация свидетельствовала о наличии в политбюро АПТ различных подходов к перспективе развития албано-югославских отношений.

Один из них формулировался группировкой, возглавлявшейся М. Шеху и Р. Алией, и заключался в отказе от каких-либо изменений в проводимом курсе. Сторонниками другого подхода были представители группы, возглавляемой секретарем ЦК АПТ по оргработе Х. Капо. Они выступали, по

¹ На русском языке об этом подробнее в: «ТАСС не уполномочен заявить». — 1948: албано-югославский конфликт глазами Кремля. 13.12.2008//Радио Свобода. Радиопрограммы / Документы прошлого. — <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/479780.html>; Волков В. Советско-албанские отношения (40–50-е годы XX века). С.-Петербург, 2009; Павловец Ю. Югославно-албанские отношения в процессе формирования советского блока в Восточной Европе (ноябрь 1944 — ноябрь 1948 г.)// Российские и славянские исследования. Минск, 2010. № 5. См. также: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. Отв. редактор: Т. В. Волокитина. М., 1999. Т. 1. 1944–1948 гг. Документы: № 106. 5 июля 1946 г. — Из дневника Д. С. Чувахина. Запись беседы с посланником Югославии в Албании И. Джордже по вопросу о Косово и Метохии, конференции компартии Албании в Берате и др.; № 157. 3 мая 1947 г. — Из дневника Д. С. Чувахина. Запись беседы с Э. Ходжей об албано-югославских противоречиях в экономической и финансовой областях; № 182. 13 декабря 1947 г. — Из дневника А. И. Лаврентьева. Из записи беседы с И. Б. Тито об отношениях Югославии с Албанией, Болгарией, Венгрией и Румынией; № 217. 17 октября 1948 г. — Политическое письмо Д. С. Чувахина В. М. Молотову о положении в компартии Албании. То же издание. Москва, 2002. Т. 2. 1949–1953. Документы: № 15. 22 марта 1949 г. — Из дневника А. Я. Вышинского. Прием Э. Ходжи по вопросу об албано-югославских отношениях и др.; № 16. 23 марта 1949 г. — Запись беседы И. В. Сталина с Э. Ходжей об албано-югославских отношениях, внешней и внутренней политике Албании; № 37. 6 июля 1949 г. — Справка второго секретаря миссии СССР в Албании А. С. Мандибуры об итогах процесса по «делу» К. Дзодзе и его «группы»; № 139. 26 сентября 1950 г. — Из дневника временного поверенного в делах СССР в Албании В. А. Кареткина. Запись беседы с Э. Ходжей о работе с югославскими политэмигрантами, перегибах в борьбе с кулачеством и др.

² Дешпа посольства ФНРЮ в Албании от 16.7.1955. — *Коматина М.* Енвер Хоца и югословенско-албански односи. Београд, 1995. С. 99.

полученным Милатовичем сведениям, за сближение с Югославией. Примечательным фактом стал вывод югославского посланника, основывавшийся на полученной внутривнутрипартийной информации из аппарата АПТ о том, что сам Э. Ходжа склонялся поддерживать группу Капо, что, вероятно, было вызвано улучшением советско-югославских отношений. Более того, в своём выступлении на III съезде АПТ (25 мая — 3 июня 1956) Э. Ходжа (это было отмечено югославской стороной) заявлял о необходимости улучшения отношений с Югославией и признания ошибочности ряда оценок политики СКЮ¹. В то же время глава АПТ достаточно резко отнёсся к самой идее реабилитации тех из высших партийных функционеров АПТ (в частности, К. Дзодзе), кто был обвинён ранее в занятии проюгославской позиции и расстрелян. В определенной степени на действия первого секретаря Албанской партии труда повлияла активизация контактов между Белградом и Москвой, где с 1 по 23 июня 1956 г. находилась партийно-государственная делегация во главе с И. Броз Тито, подписавшая 20 июня очередную совместную декларацию об отношениях СКЮ и КПСС. Опасения Э. Ходжи относительно улучшения отношений между СССР и ФНРЮ было связано с тем, что возглавляемый им режим в прошлом активно использовал советско-югославские противоречия, но в новых условиях уже глава АПТ становился одной из преград во взаимоотношениях между Москвой и Белградом. Это могло привести, в конечном счёте, к потере Э. Ходжей власти, что стало бы результатом процесса десталинизации режима, проводимого в рамках борьбы с культом личности, существование которого в АПТ Э. Ходжа публично отверг на III съезде АПТ.

Помимо «албанского аспекта» советско-югославских отношений существовал ещё один, связанный с формально сохранявшимся членством Белграда в трёхстороннем Балканском пакте. Заключение в Анкаре 28 февраля 1953 г. Договора о дружбе и сотрудничестве между Грецией, Турцией и Югославией, ставшего основой для полномасштабного военно-политического Соглашения о дружбе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи трёх стран, подписанного в г. Бледе 9 августа 1954 г., означало создание регионального военно-политического блока, получившего название Балканского пакта². Особое значение этому блоку придавало членство в нём Греции и Турции, являвшихся участницами НАТО. Целью регионального пакта было обеспечение безопасности трёх государств, и прежде всего Югославии, в случае возможных попыток СССР прибегнуть к вооружен-

¹ Впоследствии эта часть выступления была изъята из официальных партийных публикаций АПТ и собрания сочинений Э. Ходжи. — *Коматина М.* Енвер Хоца и югословенско-албански односи. С. 101.

² См. подробнее: *Međunarodni Naučni Skup «Balkanski Pakt 1953/1954»* Beograd 9. i 10. Novembar 2005. Zbornik Radova. Beograd, 2008; *Stone D.* The Balkan Pact and American Policy, 1950–1955// *East European Quarterly*, 1994. V. 28, N 3.

ным действиям на Балканах. В феврале 1955 г. была создана Организация Ближневосточного Договора, более известная как Организация Центрального Договора (CENTO), в которую она была переименована 21 августа 1959 г., или Багдадский пакт. Её членами стали Великобритания, Ирак, Иран, Пакистан и Турция, которые должны были обеспечивать реализацию доктрины «северного пояса», т. е. недопущения расширения военно-политического присутствия СССР и Варшавского пакта южнее границ СССР¹.

Выступление Н. С. Хрущева с осуждением культа Сталина и наиболее одиозных сторон его действий на XX съезде КПСС, проходившем 14–26 февраля 1956 г., было воспринято с беспокойством в руководящих кругах Албанской партии труда и лично её секретарём Э. Ходжей. Он увидел в критике сталинизма опасность потери личной власти в результате возможного процесса расширения кампании борьбы против культа личности уже в масштабах всего Восточного блока. После XX съезда КПСС стало ясно, что в международном коммунистическом движении начинается раскол, обусловленный отношением руководства ряда компартий, прежде всего правивших, к политическому и идеологическому наследию сталинизма², а также стремлением высших партийных кругов в этих государствах обезопасить свои позиции, не допустив прихода к власти возможных сторонников десталинизации³.

Венгерская революция осени 1956 г. и действия СССР, направленные на её подавление, серьезно обеспокоили Белград, отношения которого с Москвой вновь обострились⁴. И. Броз Тито постарался возвратиться

¹ Подробнее о «Северном поясе» в: *Ramazani R.* The Northern Tier. Afghanistan, Iran, and Turkey, New York, 1966; *Yeşilbursa B. K.* The Baghdad Pact: Anglo-American Defence Policies in the Middle East, 1950–1959. London, 2005.

² О «десталинизации снизу», выразившейся в форме антикоммунистических восстаний и массовых волнений в Восточном блоке, см.: *Kramer M.* The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy Making (Part 1) // *Journal of Cold War Studies* 1999. V. 1. № 1.

³ Одним из наиболее характерных примеров этого было внутривнутрипартийное развитие Албанской партии труда. Её руководитель Э. Ходжа достаточно жёстко подавил попытку начать десталинизацию АПТ, предпринятую рядом делегатов на партийной конференции в Тиране, проходившей 14–19 апреля 1956 г. См. подробнее в: *Dyrmishi D.* Konferenca e PPSH së Tiranës, shkaqe dhe gjendhohja (prill 1956) // *Studime Historike*. 2002. № 1/2. Сам Э. Ходжа, который был серьезно напуган возможностью своего отстранения от руководства партией и государством, писал в воспоминаниях о произошедшем как о происках «хрущевских ревизионистов»: *Ходжа Э.* Хрущевцы. Воспоминания. Тирана, 1980. Книга была написана в 1976. Интерес представляет общая работа об АПТ Н. Д. Смирновой: *Смирнова Н.* Албанская партия труда (страницы истории). М., 1974.

⁴ Материалы об этом см. в: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.: Документы. Ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. См. также: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; *Стыкалин А.* Прерванная революция. М., 2003; он же. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства

к идее реанимации взаимодействия со своими союзниками в рамках Балканского пакта, несмотря на то, что кипрская проблема стала одной из главных причин резкого ухудшения отношений между Афинами и Анкарой. В свою очередь, попытки Белграда выступить в роли посредника между ними не привели к ожидаемым югославским руководством результатам, что сказалось и на планах возобновления сотрудничества между тремя государствами¹. Поэтому возобновление более тесных взаимоотношений с СССР становилось частью внешнеполитического курса югославского руководства. В свою очередь, глава АПТ попытался использовать Венгерскую революцию для укрепления своей позиции и фактического оправдания неприятия критики сталинизма, которая могла приобрести в Албании антиходжевские формы. Одновременно для него появлялась возможность вернуться к прежнему открытому антиюгославскому курсу. Тирана обвинила Белград в поддержке антикоммунистических и антисоветских сил и продолжила конфронтацию с ним, надеясь на обострение советско-югославских отношений. Ещё в 1952 г. в американских правительственных кругах делались предположения о том, что при благоприятных условиях Югославия может попытаться ликвидировать режим Ходжи². Советская поддержка Тираны была важным элементом её оборонной политики в регионе. Аналитики из американских разведывательных ведомств отмечали в январе 1956 г., что, «вероятно, СССР мог бы изменить свою позицию в отношении Албании. Например, существует слабый шанс того, что

(ноябрь-декабрь 1956 года)//Славяноведение. 2000. № 1. Спустя девять лет после издания сборника документов о венгерском кризисе, подготовленного специалистами-учеными, появилась ещё одна публикация на эту тему: Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. Сост.: А. А. Зданович, В. К. Былинин, В. К. Гасанов, В. И. Коротаев, В. Ф. Лашкул. Москва, 2009. В отличие от академического издания оценка и трактовка Венгерской революции 1956 г. была дана авторами-составителями в предисловии к отобранному и опубликованному документу на с. 3 в собственной интерпретации, а борьба венгерского народа за свободу и независимость против диктатуры была представлена в следующем виде: «Венгерские события 1956 года являлись одними из первых в истории “цветных” и “цветочно-тканевых революций”, инспирированных и организованных спецслужбами США и западноевропейских стран во второй половине XX и начале XXI века. Активизация подобной деятельности в последние годы и тенденциозное освещение прошедших событий средствами массовой информации и в исторических исследованиях как венгерских, так и части российских историков приводят к мысли о необходимости расширения источниковой базы по истории венгерских событий 1956 года с целью их объективного изучения».

¹ Подробнее об этом: Балкански пакт 1953–1954. Зборник докумената из Архива Војноисторијског института, Архива Министарства спољних послова и Архива Јосипа Броз Тита (1953–1960). Београд, 2005.

² Yugoslav Intentions Toward Albania. National Intelligence Estimate (NIE) 42/1. 20.10.1952. P. 2, 3. — http://www.foia.ucia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000011503&title=YUGOSLAV+INTENTIONS+TOWARD+ALBANIA-DOC+ALSO+MENTIONS-ALBANIA+N+GOVERNMENT++LEADE&abstract=&no_pages=0003&pub_date=10/20/1952&release_date=5/2/1989&keywords=ITALY

физическая изоляция Албании от советского блока и её малая ценность для блока приведёт Москву к тому, чтобы использовать Албанию как инструмент в балканских интригах»¹.

Для главы АПТ было ясно, что Москва, во имя сохранения влияния в Восточной Европе и той части Балкан, где находились члены Варшавского пакта, предпримет меры, направленные на смену партийно-государственного руководства союзников, не следующих в фарватере политики Кремля. В этих условиях Э. Ходжа активно использовал в пропагандистских целях для своей личной поддержки со стороны Москвы тезис существования военной угрозы Албании, исходящей от её соседей, прежде всего Греции — члена НАТО. Сохранявшийся между Тираной и Афинами этно-территориальный спор по вопросу о принадлежности Северного Эпира (Южной Албании) становился важным инструментом проведения такой политики албанскими коммунистическими властями. Всеэпирский конгресс 8 июля 1956 г. греков-эпириотов, требовавших возвращения этой территории Греции, был использован Э. Ходжей как в интересах внутривластной пропаганды, так и во внешнеполитических целях. Во время специально организованной поездки по югу Албании глава АПТ обвинил США и Грецию в попытках захватить Северный Эпир и использовании греческого национального меньшинства в целях подрыва коммунистического режима. При этом он постарался интернационализировать проблему, заявив об «империалистических попытках поддерживать международную напряженность» и «миролюбивой политике наших социалистических стран, возглавляемых СССР, и других государствах, которые выступают против войны»².

Позиции албанского коммунистического режима на международной арене, и прежде всего, в системе региональных отношений, требовали от него проведения соответствующей оборонной политики. В 50-х гг. XX в. она базировалась в военно-техническом и экономическом отношениях на массивной помощи со стороны СССР³, стран Восточного блока и КНР, а в военно-стратегическом — на идеологически оформленной

¹ NIE 12-56. Probable developments in the European Satellites Through 1960. // Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Eastern Europe. Washington, 1990. V. XXV. P. 116.

² Hoxha on Albania Difficulties. 1.8.1956. Radio Free Europe research. P. 2. Gen. Desk-ERS. BOX-FOLDER-REPORT: 1-1-18. — <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/1-1-18.pdf>

³ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 89. Оп. 1. Д. 33. Записки МВТ СССР, проекты постановлений Совета Министров СССР, записи переговоров с албанской правительственной делегацией по торгово-экономическим вопросам. 22.3-2.4.1949; Д. 34. Записки МВТ СССР, МИД СССР, проекты постановлений Совета Министров СССР, письма и просьбы Э. Ходжи в связи с переговорами с албанской правительственной делегацией по торгово-экономическим вопросам. 2.4.1949 — 10.12.1949; Д. 35. Письма Э. Ходжи в адрес Совета Министров СССР по вопросам торгово-экономических отношений между СССР и Албанией. 3.–23.4.1951.

концепции защиты существующего в стране общественно-политического режима от внешней агрессии и обеспечении безопасности как самой Албании, так и Восточного блока, членом которого она являлась¹. Формулирование военной доктрины Тираной проходило при активном участии Москвы. По сути, она носила оборонительный характер, что подчёркивалось в рекомендательном виде советскими военными инструкторами, читавшими курс секретных лекций в 1956 г. для специально отобранных албанским министерством обороны высших военных чинов албанских вооруженных сил². Именно в это время руководство АПТ, и прежде всего лично Э. Ходжа, сформулировали тезис «враждебного окружения народной Албании», определяя в качестве наиболее вероятной угрозы действия со стороны соседних Греции и Югославии, а также государств НАТО, способных использовать Средиземноморье в гипотетически существующих военно-политических планах нападения на страну со стороны её побережья. Реальность такого развития ситуации была поставлена под сомнение в американских разведывательных кругах ещё в 1952 г., о чём сообщалось в секретном документе — «Национальных разведывательных оценках». Представленный анализ основывался на выводе о существовании противоречащих друг другу интересов Греции, Италии и Югославии, в связи с чем «каждая из которых, вероятно, предпочитала сохранить status quo, нежели допустить изменения, выгодные одной из сторон»³. Со своей стороны, представители советского военного руководства высказывали во второй половине 50-х гг. XX в. мнение о том, что «албанская армия боеспособна. Она имеет хорошие кадры офицерского состава, которые на 100% являются членами партии труда, большинство из них проходило обучение в Советском Союзе. Солдаты, сержанты и офицеры

¹ Подробнее об общих проблемах участия Албании в ОВД см.: *Lalaj A. Albanien und der Warschauer Pakt//Der Warschauer Pakt — Von der Gründung bis zum Zusammenbruch 1955 bis 1991. Herausgegeben Diedrich T., Heinemann W., Ostermann C. Berlin, 2009; Lalaj A. Shqipëria në Paktin e Varshavës: 1955–1968//Studime historike.2004, Nr. 1/2. См. также её интервью в: Ana Lalaj, drejtoresha e Institutit të Historisë tregon për gazetën «Panorama» një nga momentet më kyçe të historisë së Shqipërisë në vitet '50. «Përse pranoi Enver Hoxha të nënshkruante Traktatin e Varshavës»// Panorama, 10.9.2004.*

² По свидетельству очевидца — полковника Скендера Мальинди, осужденного в 1975 г. в период очередной партийной чистки за «участие в заговоре Балуку», степень секретности была столь высока, что записи, сделанные во время лекций, собирались у слушателей и хранились в сейфах, опечатанных их личными печатями: Kolonel Malindi: «Ju rrëfej Shqipërinë e Traktatit të Varshavës»//INFOARKIV. Arkiva Mediatike Shqiptare. 5.4.2009 — <http://www.infoarkiv.com/media/artikull/iden/32433/titulli/Kolonel-Malindi-Ju-rrëfej-Shqiperine-e-Traktatit-te-Varshaves>

³ Yugoslav Intentions Toward Albania. NIE 42/1. 20.10.1952. P. 2 — http://www.foia.ucia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000011503&title=YUGOSLAV+INTENTIONS+TOWARD+ALBANIA-DOC+ALSO+MENTIONS-ALBANIAN+GOVERNMENT++LEADE&abstract=&no_pages=0003&pub_date=10/20/1952&release_date=5/2/1989&keywords=ITALY

на проведенном учении показали хорошую выносливость и втянутость при действиях в горах. Идеологическое воспитание в армии поставлено хорошо. Очень слабым местом в подготовке армии являются вопросы противовоздушной и противодесантной обороны, а также устаревшие методы тактической подготовки частей армии»¹.

Активное сотрудничество Албании с СССР во многом объяснялось ещё и тем, что ставка на советское военное присутствие, сделанная албанским партийно-государственным руководством, преследовала выполнение нескольких задач. Во-первых, оно было призвано обеспечить советские гарантии не допустить военных действий в отношении НРА со стороны её соседей и отдельных стран Западного блока (США и Великобритании). Во-вторых, ставилась задача обучения военных кадров и в целом вооруженных сил. Наконец, в-третьих, албанская сторона стремилась создать ключевые объекты оборонной структуры страны, обеспечив вооруженные силы военной техникой. Значимость советско-албанского сотрудничества в этой области демонстрировалась со стороны Кремля фактом назначения на должность главы военной миссии в Албании и военного атташе на протяжении 1953–1956 гг. одного из представителей высшего советского руководства генерал-полковника А. И. Родимцева.

Для другого балканского члена Варшавского пакта — Болгарии формулирование военно-технической и мобилизационной составляющих оборонной политики в середине 50-х гг. также во многом испытывало влияние советского фактора². Попытка проведения за короткий срок (1955–1959 гг.) реорганизации болгарских вооруженных сил и их технического переоснащения обуславливалась партийно-государственным руководством страны тем, что «в настоящее время наша [болгарская] Народная Армия по своей организации и особенно по своему вооружению и боевой технике значительно отстаёт от современных требований»³. При этом планируемые количественные показатели для мирного и военного времени как в организационном, так и военно-техническом отношении различались лишь в увеличении в условиях войны противовоздушных и инженерных подразделений, а также химической защиты сухопутных сил на уровне батальонного звена. Таким образом, в планах болгарского руководства вооруженные силы страны подлежали серьезному усилению, что, в свою очередь, требовало значительных материально-технических ресурсов, не

¹ Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС о ходе визита и переговорах с руководителем Албании. 25 октября 1957 г.// Россия XX в. Документы. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 179.

² Подробнее об этом: *Баев И.* Болгария и създаването на Варшавския договор// Военноисторически сборник. 1995, № 4; он же. Изграждане на военните структури на Варшавския договор. 1955–1969// Военноисторически сборник. 1997, № 5

³ Решение на Политбюро във връзка с българо-съветско заседание в Москва относно развитието на БНА за периода 1955–1959 гг. 22.1.1955 г.// Болгария и Варшавският договор.

имевшихся в распоряжении Софии. Этот проект, принятый политбюро ЦК БКП 22 января 1955 г. как директивный документ, ставил задачу реформировать вооруженные силы в течение пяти ближайших лет. Без участия СССР проведение комплекса запланированных мероприятий было невозможно. Именно поэтому Москва с настороженностью воспринимала несанкционированные ею реформы, так как именно советской стороне предстояло их материально-техническое обеспечение. 12 августа 1955 г. Н. С. Хрущев в письме секретарю ЦК БКП Т. Живкову, ссылаясь на Женевское Совещание Глав правительств четырех держав «и в целях снижения расходов на содержание вооруженных сил», выразил мысль о «целесообразности» сокращения численности вооруженных сил мирного времени и пересмотре планов перевооружения¹. В конце августа 1955 г. политбюро болгарской компартии приняло уже новое решение, с учётом мнения и рекомендаций Москвы. В соответствии с ним предполагалось «максимально возможное сокращение состава вооруженных сил НР Болгарии в мирное время» и «продление срока перевооружения армии и оперативной подготовки страны примерно до 1965 г.»². В то же время, как уточнялось в сентябре 1955 г., в оперативно-тактическом отношении сокращение должно было проводиться «за счёт западных и северных соединений и частей»³, т. е. на «югославском» и «румынском» направлениях, но не на «греческом» и «турецком». Однако в целом болгарское руководство не отказывалось от проведения военной реформы, в чём была заинтересована и советская сторона, готовая предоставить за период 1956–1965 гг. большие средства в размере 375 млн рублей⁴ в ценах 1956 г. с упором на противовоздушную оборону, имевшую стратегическое значение для СССР с точки зрения его оборонных интересов⁵.

Формально, к середине 1954 г. советские вооруженные силы и воензированные подразделения, размещённые в государствах Балканского полу-

¹ Письмо от Н. Хрущев до Т. Живков за намаляване състава на българските ВС. Москва. 12.8.1955// България и Варшавският договор.

² Решение за намаляване състава на българските ВС. 30.8.1955 г. // България и Варшавският договор.

³ Решение на Политбюро за намаляване числеността на ВС. 29.9.1955 г.

⁴ Доклад от министъра на отбраната ген. П. Панчевски относно съвещание в Москва по плана за военно производство и военни доставки за 1956–1965 г. 11.4.1956 г.// България и Варшавският договор.

⁵ Протокол на Политбюро относно съвещание в Москва за военно производство и доставки на въоръжение за периода 1956–1965 г. 5.5.1956 г.// България и Варшавският договор. О развитии ВВС в Болгарии после Второй мировой войны и их роли в межблоковом противостоянии: *Бориславов И.* Българските ВВС и Студената война. София, 2002. О военном сотрудничестве СССР и Болгарии в этот период см. общий материал Й. Баева: *Baev J.* Bulgarisch-sowjetische militärische Zusammenarbeit 1955 bis 1964//Der Warschauer Pakt — Von der Gründung bis zum Zusammenbruch 1955 bis 1991. Herausgegeben Diedrich T., Heinemann W., Ostermann C. Berlin, 2009.

острова, были незначительными. В соответствии с оценками американской разведки на июль 1954 г., из всех Балканских государств, находившихся в советской зоне влияния, наибольшим советское присутствие было в Румынии (2 кадровые дивизии с общим числом 30 тыс. военнослужащих, 2 тыс. человек в вооруженных подразделениях органов безопасности, 190 самолётов различных типов). На втором месте находилась Болгария (2 тыс. советских военнослужащих и 1 тыс. в вооруженных подразделениях органов безопасности). В Албании советское военное присутствие ограничивалось 500 советскими военнослужащими¹. Одновременно американские эксперты делали заключение о том, что «в то время как вооруженные силы сателлитов (стран-участниц постепенно формировавшегося Восточного блока — Ар. У.) будут, вероятно, хорошо сражаться против традиционных врагов, их надёжность остаётся под вопросом на оцениваемый момент в виду значительной ограниченности их военной полезности в случае общей войны»².

В этой связи особое значение приобретал так называемый югославский фактор, ввиду того, что Белград, сохраняя членство в Балканском пакте, официально не выступал в поддержку двух противостоявших блоков — НАТО и ОВД. Поведение югославского партийно-государственного руководства весной 1955 г. внимательно отслеживалось в Вашингтоне, так как от позиции Белграда в противостоянии Восточного и Западного блоков в Балканском регионе зависела оборонная политика НАТО на южном направлении. Однако однозначного вывода эксперты из числа аналитиков ЦРУ сделать не могли. С одной стороны, они рассматривали действия И. Броз Тито как ситуативные и направленные на укрепление роли Югославии на международной арене, где она стремилась добиться высокой степени независимости от Запада и Востока, но при этом не порывать отношений с Балканским пактом — важным элементом западной обороны в балкано-средиземноморском секторе³. Однако, с другой стороны, аналитики из американской разведки не исключали и возможности подписания неких секретных договоров с Москвой и даже «возвращения» Югославии в Восточный блок⁴. Улучшение советско-югославских отношений весной-летом 1955 г. серьезно отразилось на межсоюзнических отношениях внутри Балканского пакта, так как И. Броз Тито был заинтересован в том, чтобы не допустить нового обострения взаимоотношений с Кремлём, и постепенно переходил к политике лавирования между Западным и Восточным военно-политическими союзами,

¹ Probable Developments In The European Satellites Through MID-1956. NIE 12-54. 24.8.1954. P. 17. — http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000269325

² Ibid. P. 2.

³ Yugoslavia and Its Future Orientation. NIE 31/1-55. 19.5.1955. P. 1. — http://www.dni.gov/nic/PDF_GIF_declass_support/yugoslavia/Pub14_NIE_31_1-55.pdf

⁴ Ibid P. 2.

видя в этом возможность усиления позиций Югославии, формально не принадлежащей ни к одному из них¹.

Первым шагом на пути усиления «особой позиции» Югославии в системе международных отношений было создание на проходившей в индонезийском городе Бандунг 18–24 апреля 1955 г. конференции Движения неприсоединения, инициаторами которого выступили вместе с И. Броз Тито президент Египта Г. А. Насер, премьер-министр Индии Дж. Неру и индонезийский президент Сукарно. Среди активных участников была делегация КНР². Визит в Белград премьер-министра А. Мендереса в мае 1955 г. за несколько недель до приезда в Югославию советской партийно-государственной делегации во главе с Н. Хрущевым был призван усилить военно-политическое взаимодействие стран, входящих в Балканский пакт. Однако глава Югославии фактически отказался от этого.

Действиями Тито были серьезно озабочены не только в Анкаре, но и в Афинах. В политических кругах Турции считали, что США ни в коем случае не должны сокращать уровень взаимоотношений с ФНРЮ и что Вашингтон должен способствовать возобновлению деятельности Балканского пакта с тем, чтобы не допустить подпадания Югославии под исключительное влияние СССР³. В свою очередь, в Тиране существовала твердая уверенность в том, что одной из задач Балканского пакта была ликвидация существовавшего в Албании политического режима и проведение территориальных изменений в пользу Греции. Сотрудники внешнеполитических учреждений и разведывательных институтов США приходили летом 1956 г. к выводу о том, что «советский контроль над советскими сателлитами в Восточной Европе (Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Албании и Восточной Германии) серьезно влияет на дисбаланс сил в Европе и представляет угрозу безопасности США... Создание Варшавского пакта в мае 1955 г. как противовеса НАТО, который только что принял (в свой состав — Ар. У.) Западную Германию, структурировал и расширил советскую координацию и контроль над военным потенциалом Восточно-европейского блока»⁴.

¹ Подробнее о советской внешней политике на Балканах в этот период в: Σοβιετική Ένωση και Βαλκάνια στις δεκαετίες 1950 και 1960. Συλλογή εγγράφων. Επιμελ. Β. Κόντης, Γ. Μουρέλος, Κ. Παπουλίδης, Μ. Προζουμέντισκοφ, Ν. Σμυρνόβα, Ν. Τομιλίνα., Θεσσαλονίκη, 2003.

² *Ampiah K.* The Political and Moral Imperatives of the Bandung Conference of 1955: the Reactions of the US, UK and Japan. Folkestone 2007; *Mackie J.* Bandung 1955: Non-alignment and Afro-Asian Solidarity. Singapore, 2005.

³ См. дипломную работу М. Палангаса, который ссылается на ранее не публиковавшиеся документы Госдепа США: Παλαγκάς Μ. Όψεις των ελληνογιογκοσλαβικών σχέσεων κατά την περίοδο 1955–1965. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης Φιλοσοφική Σχολή. Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας, Λαογραφίας και Ανθρωπολογίας. Прωτεύουσα Μεταπτυχιακή Εργασία Θεσσαλονίκη, 2009. Σ. 19.

⁴ Проект документа о перспективах развития ситуации в Восточной Европе и национальной безопасности США в: National Security Council Report. NSC 5608. 3.7.1956//Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Eastern Europe. Washington, 1990. V. XXV. P. 191.

В свою очередь, кремлевское руководство стремилось использовать момент с целью привязать Югославию к формируемому СССР военно-политическому пакту восточноевропейских стран и ослабить взаимоотношения Белграда с Западом в интересах недопущения западного влияния на внутри- и внешнеполитическую позицию югославского руководства¹. Именно данное обстоятельство сыграло свою роль в отказе Кремля от проявления несогласия с отдельными формулировками Московской декларации (20 июня 1956 г.), предложенными югославской стороной и вошедшими в её текст. Суть происходившего, по словам российского исследователя А. С. Стыкалина, можно было бы определить следующим образом: «Для маршала Тито, вовсе не жаждавшего вновь оказаться в роли кремлевского вассала, готовность к сотрудничеству с СССР могла послужить инструментом давления на Запад в целях достижения более выгодных условий получения кредитов, а потому, хотя и не без оглядки на западные державы, он склонялся к активизации переговорного процесса с Москвой. В Кремле, в свою очередь, считали, что дружба с Югославией не только значительно укрепит стратегические позиции СССР на Балканах, но гарантирует прорыв в Средиземноморье»².

Со своей стороны, глава Югославии постарался успокоить Афины относительно своих дальнейших действий. Охлаждение взаимоотношений между Белградом и Москвой вызвало активность греческого союзника Белграда по Балканскому пакту. Премьер-министр Греции К. Караманлис, будучи в США с официальным визитом, обратился к американскому руководству с предложением о посредничестве по вопросу возобновления деятельности пакта с тем, чтобы Вашингтон убедил Анкару изменить свою позицию по кипрскому вопросу. Со своей стороны, представители американского военного истеблишмента и высшего командования НАТО, в частности, командующий силами альянса в Южной Европе адмирал П. Бриско, заявляли о готовности оказать поддержку Югославии в случае угрозы её суверенитету³. Вскоре после возвращения из Москвы И. Броз Тито встретился в июле 1956 г. на о. Керкира с К. Караманлисом. Во время переговоров стало понятно, что «обе стороны ожидали изменения позиции Турции и согласились активизировать усилия с целью возобновления договора»⁴. Установление слишком тесных военно-политических связей Греции и ФНРЮ без участия Турции могло серьезно обеспокоить США

¹ Об этом открыто заявлялось в Директивах Президиума ЦК КПСС к переговорам с И. Б. Тито в Москве от 28 мая 1956 г. См.: Российский Государственный Архив Новейшей Истории (РГАНИ) Ф. 3. Оп. 12. Д. 54. Л. 110–128.

² Стыкалин А. СССР — Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов)//Славяноведение. 2006. № 6. С. 96

³ Παλαγκάς Μ. Όψεις των ελληνογιογυγκοσλαβικών σχέσεων. Σ. 23.

⁴ Στο ίδιο. Σ. 20.

и НАТО, так как складывались предпосылки для ухудшения отношений с третьим участником Балканского пакта — Анкарой — и окончательной ликвидации трёхстороннего союза¹.

Неопределенность дальнейшей судьбы Балканского блока не сказалась на разработке руководством ФНРЮ подходов к оборонной политике страны и её военной доктрины. Один из примечательных моментов этого процесса был отмечен в 1956 г. В высших армейских кругах обострилась дискуссия между сторонниками и противниками двух различных точек зрения на организацию бронетанковых подразделений ЮНА. В виду отсутствия достаточного количества единиц бронетехники сторонники разукрупнения этих подразделений предлагали передать их в состав пехотных подразделений. Другая группа в армейском руководстве, неофициально получившая название сторонников «танкизма», настаивала на сохранении бронетанковых подразделений, их укрупнении и отказе от создания механизированных корпусов. Фактическую победу одержали представители первой группы, но принятое руководством СФРЮ при активной роли И. Броз Тито решение всё-таки учитывало мнение и сторонников «танкизма». Поэтому, в соответствии с новой системой распределения сил и средств в ЮНА, так называемые военные области (фактически военные округа, которые просуществовали недолго) получали в соответствии со стоявшими задачами и особенностями географических границ этих военно-административных единиц различное количество бронетанковых подразделений: от батальонов до дивизий. Примечательно, что основные силы этих подразделений были сконцентрированы в наиболее танкоопасных секторах северного, восточного и юго-восточного направлений со стороны Венгрии, Румынии и Болгарии.

Активизация советской внешней политики на югославском направлении не ослабила особой заинтересованности Москвы в усилении союзнических связей с Тираной, находившейся в конфронтации с Белградом. 22 апреля 1957 г. в специальной записке в ЦК КПСС относительно приглашения министра обороны Албании Б. Балуку посетить эту страну министр обороны СССР Г. К. Жуков писал: «С своей стороны считаю, что посещение Албании будет очень полезным, особенно в связи с тем, что во время плавания представится возможность ознакомиться с наиболее важной для нас частью Юго-Западного театра военных действий: болгаро-турецким направлением, что явится дополнением к проведенной мною рекогносцировке этого направления в сентябре 1956 года, Черноморской проливной зоной и территорией, прилегающей к Эгейскому, Средиземному, Ионическому и Адриатическому морям»². Осенью того же года, будучи в Албании, в те-

¹ Στο ίδιο. Σ. 21.

² Записка Г. К. Жукова в ЦК КПСС о приглашении посетить Албанию. 22 апреля 1957 г. // Россия XX в. Документы. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. Москва, 2001. С. 165.

леграмме, направленной в ЦК КПСС 25 октября 1957 г.¹, советский маршал отмечал, что «особого внимания заслуживает вопрос обороны морского побережья Албании и использования его для базирования подводных лодок с целью их действий в Средиземном море. Детально осмотрев порт Влёра, строящуюся там базу подводных лодок и линию береговой обороны на Адриатическом море с суши и моря, я пришел к выводу о необходимости серьезного усиления береговой обороны албанского побережья, которое со стратегической точки зрения является исключительно выгодным для всего социалистического лагеря. Такое мероприятие позволит надежно защитить побережье с моря, вести борьбу с противолодочной обороной противника в Отранском проливе, что сможет обеспечить проход наших подводных лодок в Средиземное море»². 26 октября 1957 г. во время переговоров Г. Жукова с Э. Ходжей последний подчеркивал значимость Албании для всего Восточного блока: «Средиземное море имеет с военно-стратегической точки зрения для нашего социалистического лагеря очень большое значение, так как в нем действуют 6-й американский флот и другие значительные силы стран НАТО, которые, безусловно, направлены против Советского Союза и нашего социалистического лагеря. Албания, являющаяся частью социалистического лагеря, расположена на побережье Адриатического моря и имеет поэтому важное значение»³. 26 июля 1957 г. Совмин СССР принял специальное постановление о создании военно-морской базы ВМФ СССР во Влёре. Дополняющее это решение советского партийно-государственного руководства постановление Совмина СССР от 22 апреля 1959 г. закрепило расширившееся строительство советской базы.

Укрепление коммунистических режимов в странах Восточной Европы, включая Балканский регион, вело к усилению в их руководстве большей самостоятельности в рамках всего Восточного блока, что находило различные проявления и формы. Оборонная политика также нередко затрагивалась также этим процессом. Так, в частности, уже осенью 1955 г. румынские власти стремились подчеркнуть самостоятельность страны в сложившейся биполяр-

¹ На состоявшемся 24 октября 1957 г. заседании Политбюро ЦК АПТ Э. Ходжа сообщил о том, что против приёма Албании в Варшавский пакт выступал В. Молотов, который считал, что в случае нападения на Албанию извне, СССР придётся участвовать в военном конфликте. Он также сослался на заинтересованность советских военных в строительстве военно-морской базы в Албании, откуда, в соответствии с услышанными Б. Балуку словами Г. Жукова, можно было нанести удар по VI флоту США. — См. *Mytaraj K. Paralele sovjeta-jugoslave dhe amerikano-greke për Shqipërinë// Dervina*, 26.3.2008. — <http://lajme.dervina.com/archive/9937-2235:766/Paralele-sovjeto-jugoslave-dhe-amerikano-greke-per-Shqiperine.htm>. В статье приводятся ссылки на Центральный Архив Албанской партии труда (Фонд 14. Оп. 1. Папки № 20 и № 24).

² Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС о ходе визита и переговорах с руководителями Албании. 25 октября 1957 г. // Россия XX в. Документы. С. 179.

³ Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС о переговорах с Э. Ходжей. 26 октября 1957 г.//Там же. С. 180–181.

ной системе, несмотря на то, что Румыния являлась союзницей СССР. Это нашло своё отражение и в заключении, сделанном американским дипломатом Ч. Тэйером после беседы с румынским партийно-государственным руководством. Он сообщал в Госдеп о том, что «Румыния — это независимая страна, которая решает проблемы по-своему. В действительности, она считает, что СССР может оказать ей различную экономическую и политическую помощь, но нет причин, чтобы страна всегда ассоциировалась в представлениях США с отрогком СССР»¹. В начале декабря 1955 г. глава Румынии Г. Георгиу-Деж на приёме в посольстве Югославии, посвященном национальному празднику Югославии, демонстративно на протяжении двух часов беседовал с главой дипломатической миссии США в Румынии Тэйером, чему, как впоследствии отмечал в своём сообщении в Госдеп американский дипломат, пытался помешать посол СССР². На этом же приёме присутствовал и премьер К. Стойка, озвучивший в 1957 и 1959 гг. румынский план балканского сотрудничества.

Выдвижение так называемых балканских мирных инициатив, несмотря на их кажущееся соответствие региональным планам Москвы, было воспринято крайне негативно Кремлём. Он увидел в идее межбалканского сотрудничества «возможность создания не подконтрольного ему регионального блока с участием своих союзников по ОВД и СЭВ». Два документа 1957 г., с которыми выступила румынская сторона — «Договор о взаимопонимании и коллективной безопасности в балканском регионе» (7 июня 1957 г.) и «Об установлении отношений многостороннего мирного сотрудничества между странами балканского региона» (10 сентября 1957 г.) — были демонстративно проигнорированы советской печатью³. Обе инициативы являлись, в свою очередь, свидетельством заинтересованности румынского партийно-государственного руководства в усилении позиции Румынии в отношениях со странами полуострова.

Первый вариант предложения Бухареста заключался в реализации идеи регионального сотрудничества Балканских государств в экономической, общественной и гуманитарной сферах. Действия румынского руководства были достаточно серьезно восприняты в Греции и Турции. В то время как Албания и Болгария поддержали инициативу, Греция отнеслась к ней отрицательно, а Турция вообще не дала ответа. Афины настаивали на том, чтобы первоначально были решены проблемы, существовавшие в двусторонних отношениях. Белград увязывал своё участие в этом проекте присутствием в нём

¹ Telegram From the Legation in Romania to the Department of State. Bucharest, 20.11.1955//Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Eastern Europe. Washington, 1990. V. XXV. P. 99.

² Telegram From the Legation in Romania to the Department of State. Bucharest, 1.12.1955// Ibid. P. 103.

³ См. примечания составителей к документу № 32 в сборнике документов: КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х — первой половине 1960-х гг. Сборник документов. Салоники, 2003. С. 138.

греческой и турецкой сторон, так как без них межбалканское сотрудничество не имело смысла¹. Вторая инициатива носила отчётливо выраженный военно-политический характер, так как ставила на повестку дня вопрос создания безъядерной зоны на Балканах. Бухарест, формально следуя в фарватере внешнеполитического курса Москвы, попытался выступить в роли инициатора политики регионального сближения². Однако, как и ранее, румынская сторона вновь встретила сопротивление трёх государств — Югославии, Греции и Турции. Руководство соседней Югославии стремилось быть лидером в межбалканских делах, что делало Белград конкурентом Бухареста. Поддержка со стороны И. Броз Тито румынских региональных проектов оговаривалась им необходимостью включения в них всех Балканских стран, т. е. Греции и Турции. Последние увидели в инициативах К. Стойки советские планы ослабления НАТО в Центральной и Южной Европе.

Болгария и Румыния, ответственные в Варшавском пакте за осуществление контроля и мониторинг ситуации, складывавшейся в балкано-средиземноморско-черноморской полосе Юго-Западного театра военных действий (ТВД), стремились проводить оборонную политику в соответствии с собственными интересами. В декабре 1957 г. болгарское руководство обратилось к Москве с инициативой создания «новых организационных форм взаимодействия черноморских флотов Болгарии, Румынии и СССР»³. Это обуславливалось, как было заявлено болгарской стороной, «характером начального периода современной войны». Такая формулировка использовалась Софией с учётом господствовавшего в советских партийных и военных кругах мнения о неизбежном использовании Западным блоком ракетного ядерного оружия в случае военно-политического конфликта с Варшавским пактом. В свою очередь, возможный ход действий советского руководства оценивался в военно-политических кругах НАТО с точки зрения нежелания советской стороны использовать ядерное оружие и обращение к нему лишь в крайнем случае «вынужденной обороны»: «Главной задачей СССР в регионе НАТО, продолжающей оставаться, является подрыв оборонных усилий Запада таким образом, чтобы привести к роспуску НАТО... Без сомнения советские вожди понимают и боятся последствий всеобщей ядерной войны. Можно предположить, что они не будут вести всеобщей ядерной войны до тех пор,

¹ Παλάγκας Μ. Οψεις των ελληνογιογυγκοσλαβικών σχέσεων. Σ. 29, 30. Примечательным фактом являлась неосведомленность И. Броз Тито о сути предложений К. Стойки во время его переговоров с Н. Хрущевым. Στο ίδιο. Σ. 32.

² Подробнее: Şirin N. A. Inter-State Cooperation in the Balkans: the Cold War Era// Turkish Review of Balkan Studies. Foundation for Middle East and Balkan Studies. 2002. P. 177–189.

³ Baev J. Bulgarian Intelligence Estimates on NATO's Maritime Power in the Eastern Mediterranean (1955–1975). — http://www.coldwar.hu/en/publications/int_estim.html. Впервые этот материал был опубликован в: Годишник на Военноморския музей. Варна, 2001. Т. 1. Здесь цитируется по Интернет-ресурсам ввиду недоступности вышеприведенного издания в библиотеках РФ на момент написания данной работы.

пока они знают, что Запад готов ответить ядерным оружием с достаточной для уничтожения СССР степенью (эффективности — Ар. У)... Далее тем не менее опасность всеобщей ядерной войны существует и проистекает из ошибочных расчётов. Эта опасность, например, могла бы стать результатом недооценки реакции Запада на агрессивные действия со стороны Советов или неправильно интерпретированных намерений Запада, которые могли бы их [советских руководителей] привести к выводу о том, что СССР находится накануне ядерного удара по нему»¹. Таким образом, вопрос о вероятной угрозе и её формах для Западного блока становился одним из важных с точки зрения выработки оперативных и долговременных решений.

Оборонная политика Болгарии во многом определялась распределением «зон ответственности» в рамках Варшавского пакта, что обуславливало, помимо собственно региональных интересов Софии, её ориентированность на обеспечение оборонной стратегии Восточного блока по трём основным направлениям: югославскому, греческому и турецкому. София активизировала разведывательную деятельность², сконцентрировав усилия на сборе и передаче Москве информации о ракетном и ядерном присутствии в соседних с Болгарией Греции и Турции, имевших американские военные базы и входивших в круг государств, где планировалось размещение подобного оружия. На протяжении 1957 г. эта тема доминировала в обмене разведывательной военной и политической информацией между Софией и Москвой. Размещение американских ракет «Nike», оценивавшихся болгарской стороной как «опасное наступательное оружие, нежели служащее для обороны», на военно-морской базе Гюльчук в Турции для обеспечения противовоздушной обороны этого объекта было использовано Софией как аргумент в пользу необходимости безвозмездного получения от Москвы патрульных и торпедных катеров, а также подводных лодок³. В свою очередь, оценка международной ситуации, дававшаяся Управлением разведки Генерального штаба Министерства обороны Народной Республики Румынии в декабре 1957 г., заключалась в традиционной для стран Восточного блока манере. Так, в частности, делался априори вывод о том, что «в данный момент капиталистическими государствами, наиболее агрессивными и считающими-

¹ Document C-M(56)138(Final). Directive to the NATO Military Authorities from the North Atlantic Council Approved by the Council at its meeting on 13th December, 1956 //NATO Strategy Documents 1949–1969. Ed. by Pedlow G. Brussels, 1997. P. 272.

² Оперативные возможности болгарской политической разведки в Греции и Турции, как следовало из её отчёта за 1959 г., не соответствовали стоящим перед ней задачам: Справка. Относно: Изведена агентура зад граница от у[правлен]ие II-ро ДС, за времето от 1.1.1958 до 1.VI.1959 година. 17.6.1959. С 1, 4. — http://wilsoncenter.org/topics/va2/docs/84_590617bg.pdf Подробнее о деятельности болгарской военной разведки см. воспоминания её главы: *Зикулов В.* Военното разузнаване на България и студената война. София, 2005.

³ *Baev J.* Bulgarian Intelligence Estimates on NATO's Maritime. О развитии болгарских ВМФ в: *Тодоров И.* Българските военни кораби (1879–2002 г.). София, 2002.

мися наиболее важными с точки зрения войны в Европе, являются США, Западная Германия, Англия, Италия, Франция, Турция, Греция и, наконец, Испания. Государством, обладающим наиболее серьезной военной силой, а также в экономическом и политическом отношении, являются США»¹.

Сформулированная президентом США Д. Эйзенхауэром в его «Специальном послании Конгрессу о ситуации на Ближнем Востоке» от 5 января 1957 г. концепция внешнеполитических действий Вашингтона, известная как «Доктрина Эйзенхауэра», заключалась в предоставлении американской помощи, включая и военную, государствам, подвергшимся агрессии или её угрозе со стороны другой страны, прежде всего коммунистической. Эта президентская инициатива была окончательно одобрена конгрессменами в марте 1957 г. Несмотря на то, что она являлась реакцией руководства США на Суэцкий кризис 1956 г. и усиление советского присутствия в арабском мире, доктрина имела более широкое, чем «ближневосточное», измерение. Она непосредственно касалась формирования новой военно-политической ситуации на Балканах. Серьезные расхождения в Балканском пакте по вопросу о его консолидированной поддержке Западного блока привели к тому, что Белград проводил внешнеполитическую линию, противоположную Анкаре, которая поддержала Великобританию и Францию, а также Афинам, фактически занявшим позицию нейтралитета, и выступил на стороне Каира². Югославия солидаризировалась с Варшавским договором, балканскими членами которого были Албания, Болгария и Румыния³, поддержавшими Египет. В то же время Белград серьезно зависел в этот период от военных поставок США, и американская сторона фактически стояла перед дилеммой: либо продолжить сотрудничество с Тито, либо отказаться от него⁴.

Таким образом, Суэцкий кризис серьезно затронул те коммунистические государства полуострова, которые, являясь членами Восточного пакта, участвовали в его военно-политических проектах за пределами региона. К числу таких стран относилась Болгария, занимавшаяся реализацией планов коммунистического блока, направленных на военно-техническое обеспечение алжирского сопротивления — Фронта национального освобождения, дей-

¹ Discrierea Inamicului Probabil. Situația Politico-Militară. № TA002469// НАТО на Балканите. Съставителство и редакция в колектив, отговорен редактор Йордан Баев. Мултимедийно СД-РОМ издание. София, 2001.

² Об особенностях внешнеполитического курса Югославии в контексте Суэцкого кризиса и ситуации, складывавшейся в Балканском пакте, см.: *Животић А.* Југословенска спољна политика током Суецке кризе и стабилност Балканског пакта 1956–1957// Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе. 2007. № 1/2.

³ О позиции Румынии по Суэцкому кризису и о действиях румынской дипломатии см.: *Ionescu M.* Romania and the Suez Crisis: Areas of Diplomatic Interest and Political Positions// Proceedings of the Romania-Israeli seminar. IDF- Department of History. Tel Aviv. February 2007.

⁴ 303. Telegram From the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, May 17, 1957//Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Central and Southeastern Europe. Washington, 1992. V. XXVI. P. 774, 775.

твовавшего против Франции. Военные поставки и подготовка кадров ФНО в Болгарии усиливали значимость Софии по противоположным причинам как для Восточного, так и для Западного блока¹. С учётом этого руководство Болгарии в лице Т. Живкова рассматривало участие в подобных проектах как серьёзный аргумент в пользу привлечения внимания США к своей роли в Варшавском пакте и коммунистическом блоке в целом. Попытки болгарской стороны восстановить разорванные с Вашингтоном в 1950 г. отношения, предпринимавшиеся ещё с начала 1956 г. конфиденциально по дипломатическим каналам в Париже, к 1957 г. приобрели уже публичность, что нашло своё подтверждение в специальном интервью Т. Живкова американской влиятельной газете «New York Times» в сентябре 1957 г.²

Идеологические разногласия, скрывавшие, в действительности, межгосударственные противоречия внутри коммунистического блока, имели серьёзные последствия для формулирования странами-участницами ОВД оборонной политики как в глобальном, так и на региональном уровне. Влияние «китайского фактора» на оборонную политику Варшавского пакта и СССР, в частности, в балканском секторе мировой политики, в 1957 г. проявилось в стремлении Москвы избегать подчеркивания факта улучшения советско-югославских отношений в военной области. Это нашло своё отражение в исключительно скупом освещении в советской печати визита министра обороны СССР маршала Жукова в Югославию, откуда он направлялся в Албанию. В ответ на телеграмму главы советского военного ведомства в адрес Н. С. Хрущева о недостаточных по объёму публикациях в советской прессе по сравнению с югославской, подробно сообщавшей о визите советской военной делегации в ФНРЮ³, маршалу от имени ЦК КПСС была разъяснена позиция Кремля: «Мы учитывали, что в настоящее время за границей находятся две советских делегации: делегация Верховного Совета СССР в Китайской Народной Республике и военная делегация — в Югославии. При решении вопросов, связанных с порядком опубликования в советской печати материалов об этих двух делегациях, мы исходили из того, что нецелесообразно выдвигать на первый план материалы, связанные с пребыванием советской военной делегации в Югославии. Это могло бы быть превратно истолковано мировой общественностью, а с другой стороны, может быть неправильно воспринято в Китайской Народной Республике. Мы хотели бы, чтобы вы правильно

¹ Подробнее об этом направлении военно-политической деятельности Болгарии см.: *Баев Й.* Българската военна помощ за третия свят//Военен журнал, 1992. № 6; 1993. №1; *Баев Й.* Военнополитическите конфликти след Втората световна война и България. София, 1995; *Baev J.* Bulgarian Arms Delivery to Third World Countries, 1950–1989. — http://www.php.isn.ethz.ch/collections/coll_armstrade/introduction.cfm?navinfo=23065

² *Баева И.* Отношенията България — САЩ в годините на студената война// Международни отношения, 2003. № 4.

³ Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС об освещении его визита в Югославию советской печатью. 12 октября 1957 г. // Россия XX в. Документы. С. 171.

поняли эти наши соображения»¹. Точка зрения представителя военной части советского руководства по вопросу о значимости Югославии для Москвы отличалась функциональностью подходов к теме сотрудничества с Белградом в военно-технической области. В этой связи Жуков, отвечая на телеграмму «инстанции», писал: «Я отлично понимаю значение Китая и не думаю его теперешнюю роль сравнивать с Югославией. Но если мы хотим полностью привлечь на свою сторону югославский народ, Союз коммунистов, которые искренне стремятся к настоящей дружбе с нами, нам надо уделять больше внимания и уважения югославам, без ущерба для их самолюбия»². Имея в виду важность восточноевропейского сектора для оборонной политики ОВД, советский военный министр обращал особое внимание на боеспособность югославских вооруженных сил и приходил к выводу об их серьезном потенциале и недооценке со стороны советского военного командования³.

Со своей стороны, югославское партийно-государственное и военное руководство демонстрировало высокую заинтересованность в переориентации в области военно-технического сотрудничества с американского на советское направление. Этот во многом политически мотивированный шаг был призван усилить позиции Белграда на международной арене и на Балканском полуострове, так как позволил бы вести себя более независимо в отношении Вашингтона и его союзников, демонстрируя поддержку со стороны Варшавского пакта. Одновременно И. Броз Тито стремился

¹ Постановление Президиума ЦК КПСС «Телеграмма т. Жукова из Белграда от 12 октября 1957 г. № 857»// Там же. С. 172.

² Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС об отношении к Югославии. 16 октября 1957 г.// Там же. С. 172.

³ «Югославская армия является лучшей армией из всех социалистических стран Восточной Европы и только уступает в моторизации и механизации Чехословацкой армии. Очень хорошее впечатление производит личный состав вооруженных сил, боевая подготовка которого стоит высоко, особенно хорошее впечатление производят генералы, офицеры и сержантский состав. Весьма хорошо продумана организация обучения молодых солдат, различных специалистов и офицеров через учебные центры армии, а также система допризывной подготовки и подготовки кадров запаса для обеспечения мобилизационного развертывания и комплектования войск в случае развертывания боевых действий. Военным обучением в мирное время по существу охвачено все мужское население, которое должно быть способно в любое время встать под ружье, а в сочетании с природными (горными) условиями местности Югославия представляет из себя очень серьезную военную мощь, способную к длительной войне даже против значительно превосходящих сил противника. В этом отношении оценки нашего Генерального штаба являются далеко неправильными и заниженными. Но в обороноспособности Югославии имеются и очень серьезные слабости. Это, прежде всего, относится к противовоздушной обороне страны и войсковой ПВО, которые серьезно неспособны преградить путь воздушному противнику. Слабы бронетанковые войска своей техникой, которые имеют на вооружении танки США и Англии, хотя некоторые образцы из них и имеют стабилизационное устройство в вертикальной плоскости. В ВВС заслуживает лишь внимания самолет типа «Сейбер», имеющий на вооружении реактивное оружие». — Телеграмма Г. К. Жукова в ЦК КПСС о ходе визита и переговорах с руководителями Югославии. 16 октября 1957 г.//Там же. С. 174.

достичь определенных положительных результатов в деле налаживания отношений со странами «третьего мира» и в формировавшемся Движении неприсоединения, где были сильны просоветские настроения. Именно поэтому заявления министра обороны ФНРЮ И. Гошняка, сделанные им в присутствии начальника Генерального штаба ЮНА Л. Вучковича в разговоре с Г. К. Жуковым, о готовности прекратить военно-техническое сотрудничество с США, переориентироваться на СССР и даже предоставить образцы военной техники, полученной от США¹, были достаточно серьезно восприняты советской стороной, стремившейся усилить советское присутствие на Балканах и Средиземном море. В случае реализации этого сценария СССР мог расширить своё влияние в регионе и укрепить оборонные возможности возглавлявшегося им блока. В то же время, имея в виду отсутствие «постоянства» в политике югославского руководства во взаимоотношениях с советской стороной, Москва имела основания усомниться в долговременности подобного сотрудничества.

¹ Телеграмма Г. Жукова в ЦК КПСС о переговорах с руководителями Югославии. 17 октября 1957 г.//Там же. С. 176. Подробнее о поставках вооружений Западных государств в Югославию см.: *Dimitrijevic B. The mutual defense aid program in Tito's Yugoslavia, 1951–1958, and its technical impact// The Journal of Slavic Military Studies. 1997. № 2(10).*

§2. Несостоявшийся «региональный детант» середины 50-х гг.

Одним из серьезных аспектов региональной военно-политической ситуации, влиявших на оборонную политику Балканских государств, включая членов Варшавского пакта, было размещение ядерного оружия на полуострове. К осени 1957 г. эта проблема приобрела особое значение для стран, территория которых могла стать потенциальным местом базирования соответствующих типов подобных боеприпасов. По каналам болгарского МИДа в начале октября 1957 г. до партийно-государственного руководства Болгарии была доведена информация, пересказывавшая публикацию журналиста И. Димитракопулоса, специализировавшегося на международной и военной тематике¹, в греческой газете «Катимерини». В ней, во-первых, сообщалось о решении греческого правительства разместить в Греции американское ядерное оружие и, во-вторых, об имевшихся в распоряжении натовских служб сведениях относительно намерений СССР сделать аналогичный шаг по отношению к Болгарии². Ссылка в шифротелеграмме болгарского посольства на материал Димитракопулоса была примечательной по многим причинам. Во-первых, София информировалась о принципе паритета, избранного НАТО, в соответствии с которым размещение ядерного оружия в Греции объяснялось аналогичным планом СССР в Болгарии. Во-вторых, внимание болгарского руководства обращалось на сам факт оценки Североатлантическим альянсом роли Болгарии в Варшавском договоре. Это могло повлиять на решение Софии быть более осторожной в проведении своей союзнической политики в Восточном пакте с учётом стремления Болгарии усилить свои позиции в отношениях с соседними странами, включая Грецию и Турцию.

Тем временем параллельно с планами расширения советского присутствия в балкано-средиземноморском регионе, Москва предпринимала попытки ослабить Североатлантический союз на центрально-европейском направлении с помощью своих восточноевропейских сателлитов. 2 октября 1957 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН польский министр иностранных дел А. Рапацкий озвучил инициативу Варшавы

¹ В своих публикациях И. Димитракопулос придерживался резко антиамериканских взглядов, что демонстрировалось им неоднократно на страницах «Катимерини». Показательным в этом отношении было интервью с американским послом в Греции осенью 1957 г., опубликование которого имело последствия для общественных настроений в стране: *Stephanides G., Stefanidis I. Stirring the Greek Nation: Political Culture, Irredentism and Anti-Americanism in Post-War Greece, 1945–1967. London, 2007. P. 209–210.*

² Посольство на НРБългария в Гърция за Министерството на външните работи. 8.10.1957. Входяща шифротелеграма № 2762// НАТО на Балканите.

о создании безъядерной зоны в Центральной Европе с включением в неё территорий Польши, Чехословакии, ГДР и ФРГ. Этот проект, вошедший в историю как «План Рапацкого», достаточно серьезно обсуждался в дипломатических кругах на Западе¹. В то же время реакция на него руководства США была отрицательной, и он как откровенно советская идея, реализуемая одним из сателлитов Москвы в её интересах, был отвергнут. Вскоре американские аналитики начали подозревать, что, во-первых, Варшава имеет определенную самостоятельность внутри Восточного блока, и, во-вторых, обращение к этому предложению могло способствовать внесению раскола в ряды Варшавского Договора, так как обеспечило бы восточноевропейским союзникам СССР юридическое основание для вывода советских войск из стран региона. В конечном счёте, Вашингтон 12 января 1958 г. отверг предложение о зоне, свободной от ядерного оружия, как не решающее в принципе проблему понижения уровня опасности. 14 февраля 1958 г. правительство Польши направило специальные послания в адрес ряда стран НАТО, а также руководству СССР и союзников по Варшавскому блоку с новой версией плана. В свою очередь, и Москва продолжала настаивать на принятии этого предложения, и 19 февраля было сделано заявление советского руководства в его поддержку. Несмотря на многочисленные уточнения и редактирование «плана Рапацкого», предпринятые советской стороной совместно с её союзниками из числа государств Восточного блока, он был, в конечном счете, отвергнут Западом как не отвечающий оборонным интересам членам Североатлантического союза. Инициатива А. Рапацкого, несмотря на полную согласованность плана Варшавы с курсом Кремля, преследовала цель вывести Польшу из круга государств Центральной Европы, которые могли более всего пострадать в случае военного конфликта между СССР (Варшавским пактом) и НАТО².

¹ Подробнее об этом в: *Ozinga J.* The Rapacki Plan: the 1957 Proposal to Denuclearize Central Europe, and an Analysis of Its Rejection. New York, 1989; *Marusza Z.* Denuclearization in Central Europe? The Rapacki Plan during the Cold War//*Öt Kontinens, Eötvös Loránd Tudományegyetem.* Budapest, 2008.

² Повторное выдвижение «плана Рапацкого» достаточно активно обсуждалось на заседании Палаты общин британского парламента представителем лейбористской партии У. Орби, а также А. Биваном, с одной стороны, и, с другой, У. Д. Ормсби-Гором — Государственным министром по иностранным делам в правительстве консерваторов Г. Макмиллана. Орби настаивал на необходимости консультаций с польской стороной, а Ормсби-Гор — на необходимости согласовывать действия Лондона с его союзниками. Такой подход вызвал возражения Бивана, напомнившего об одностороннем отказе США от первого варианта «плана Рапацкого» без консультаций с союзниками, в частности, Великобританией. Фактически польская инициатива способствовала усилению противостояния лейбористов и консерваторов, воздействуя, таким образом, на политические силы в странах Западного блока. Подробнее дебаты см.: *Hansard.* House of Commons. Debates. 26 November 1958. Vol. 596. P. 354–356. Биван был одним, если не единственным, из британских политиков

Определение боеспособности стран-участниц Варшавского пакта (помимо СССР) в феврале 1959 г. проводилось американской разведкой с учётом возможного военного конфликта на европейском ТВД, где, по мнению авторов доклада «Специальные разведывательные оценки», в период 1959–60 гг. в случае возникновения конфликта Москва будет использовать прежде всего, как наиболее подготовленные, болгарские сухопутные части в количестве 9 дивизий в наступательных операциях в юго-восточной Европе и против Австрии, и 6 чехословацких дивизий при наступлении против Австрии и Западной Германии¹.

Очередное охлаждение советско-югославских отношений рассматривалось руководством коммунистического режима Албании как благоприятный момент, когда существовал шанс представить Югославию как союзника США и НАТО, что было выгодно Тиране с точки зрения её собственных интересов². В определенной степени расчёт албанского руководства оправдался, когда после обвинения СКЮ в ревизионизме восточноевропейскими союзниками СССР руководство ФНРЮ выступило летом-осенью 1958 г. с рядом жёстких демаршей в отношении своих критиков. Очевидной становилась и позиция Кремля в складывавшейся ситуации — он также переходил вновь к враждебной в отношении официального Белграда риторике. Во многом как ответ на оказываемое давление, на VII съезде СКЮ, проходившем 22–26 апреля 1958 г. в Любляне, югославское партийно-государственное руководство сделало ряд заявлений о верности Югославии Балканскому пакту. Одновременно югославская сторона подчеркивала, что в отсутствие прямой угрозы как этот альянс, так и военная помощь со стороны Запада не используются официальным Белградом. Для руководства соседней Албании наступил момент, когда оно могло возобновить с прежней силой антиюгославскую кампанию.

такого уровня, который находился в достаточно доверительных отношениях с Н. С. Хрущевым. В 1957 г., являясь ведущим деятелем Лейбористской партии и левого движения, он неожиданно выступил против отказа Британии от ядерного оружия. Его необъяснимый на первый взгляд демарш расценивался коллегами по партии как предательство. Однако лишь спустя много лет стало известно от его парламентского секретаря Д. Брюса, что такой шаг был обусловлен консультациями с Москвой, где он провёл встречу с Хрущевым. Советский руководитель сообщил ему о желательности выдвижения подобной инициативы со стороны Британии с целью усиления её позиций во взаимоотношениях с США по вопросам международной политики. См.: *Routledge P. Nye Bevan's sensational secret// New Statesman*, 30.5.2005.

¹ Special Intelligence Estimate. SIE 1*59. 1.2.1959. GB 19-1002. Number 1-59. Soviet/Satellite Military Courses of Action in Europe Through 1960. Headquarters United States Army, Europe. Office of A/C of S, G-2. P. 5. — <http://se2.isn.ch/serviceengine/FileContent?serviceID=12&fileid=50F72889-0500-91C0-F051-A290D1DECBE4&lng=en>.

² Об эволюции внешней политики Тираны в начальный период холодной войны см.: *Diplomacia shqiptare në fillimet e «Luftës së ftohtë»*: 1945–1961: nga Konferenca e Jaltës tek «bashkegzistenca paqësore». Tiranë, 2003.

К лету 1958 г. она приобрела жёсткую и персонифицированную форму. Свидетельством этого стала публикация в весьма символический для СССР день — 22 июня — в партийном органе «Зери и популлит» статьи «С современным ревизионизмом необходимо сражаться безжалостно до полного его теоретического и политического уничтожения». В ней лично И. Броз Тито и руководимый им СКЮ обвинялись в попытках подрыва АПТ, оккупации Албании и превращения её в провинцию Югославии. Одновременно в статье заявлялось о том, что «югославские ревизионисты хотят сейчас учить народно-демократические страны тому, как строить свои отношения с СССР»¹. Албано-югославский конфликт достаточно болезненно воспринимался советской стороной, а советское посольство ещё весной 1957 г. обращалось с предложением в ЦК КПСС, чтобы «в беседах на высоком уровне предостеречь албанских руководителей от дальнейшего усиления полемики с югославами и посоветовать им соблюдать известную выдержку в данном вопросе»². Параллельно с очередным обострением албано-югославских отношений продолжали сохраняться противоречия между Тираной и Афинами.

Для советской стороны значимость Средиземноморья во второй половине 50-х гг. неуклонно повышалась. Выступив в поддержку «Плана Рапацкогo», Москва продолжил наращивать своё военно-морское присутствие в регионе. Осенью 1957 г. новый командующий ЧФ адмирал В. А. Касатонов обратился с письменным предложением к начальнику Главного штаба ВМФ адмиралу В. А. Фокину с конкретным планом. В соответствии с ним предполагалось базирование 10–12 советских подводных лодок (с последующей передачей части из них албанской стороне) в бухте Паша-Лиман Влёрского залива. Помимо этого предусматривалось обеспечить вооруженные силы Албании четырьмя дивизионами противокорабельных ракет «Стрела»; разместить в целях обеспечения прикрытия базы дивизион противолодочных кораблей, противолодочные вертолеты и средства ПВО. Более того, предлагалось дислоцировать в Албании полк бомбардировщиков «Ту-16». С конца лета 1958 г., когда в Паши-Лиман прибыла группа кораблей и подводных лодок Балтийского и Черноморского флотов, началось создание 40-й

¹ В отделе анализа Радиостанции «Свободная Европа» на эту публикацию обратили особое внимание, так как она служила показателем нового обострения албано-югославских отношений, а также косвенно затрагивала складывающуюся ситуацию в Восточном блоке. *Stankovic. Zeri I Popullit Accuses Tito of Imperialistic Attitude toward Albania*. 23. 6.1958. News & Information Service. Research & Evaluation. General Desk. — No. 304. New Background. P. 3. — <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/1-3-44.pdf>.

² Док. № 25. Записка заместителя заведующего отделом ЦК КПСС И. Т. Виноградова в ЦК КПСС по поводу обострения государственных отношений между Албанией и Югославией. 9 марта 1957 г.// КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 125.

отдельной базы подводных лодок, оперативное командование которыми осуществлялось командующим Черноморским флотом¹. Военно-морская база во Влёре рассматривалась советским руководством как создающая реальную угрозу Средиземноморскому флоту США и силам НАТО в регионе, а также как гарантия свободы прохода советских ВМФ через Босфор в критический момент потенциального конфликта с Западом. К Средиземноморью было привлечено внимание и ведущей силы НАТО — США, рассматривавших сложившееся к 1958 г. на Ближнем Востоке положение как результат активного советского проникновения. В этой связи обращалось внимание на усиление оборонных мероприятий Москвы в регионе Кавказа и проведение там манёвров в непосредственной близости от границ Турции². В этой связи уже в начале 1958 г. аналитики высказывали предположения о возможном размещении в Албании советских ракет³.

Со своей стороны, руководство НРА рассматривало происходящее как «усиление враждебного окружения» Албании, а советскими союзниками подобная ситуация оценивалась с учётом общего положения в Балканском регионе. Поэтому Москва стремилась добиться от Тираны снижения уровня конфликтности с соседними странами. 9 декабря 1958 г. посольство СССР в НРА в отчёте о проделанной работе сообщало о том, что «посольство постоянно держит в поле зрения вопросы, связанные с отношениями между Грецией и Албанией. На протяжении последних лет, — говорилось в документе, — мы неоднократно освещали этот вопрос и внесли предложения, реализация которых способствовала бы нормализации отношений между данными странами... По поручению центра мы информировали друзей о некоторых вопросах внутривосточного положения Греции, содержащихся в присланных из МИД СССР несекретных документах, что помогло друзьям лучше ориентироваться при решении вопросов об улучшении отношений со своим южным соседом»⁴.

¹ Советский флот в войнах и конфликтах «холодной войны». — Персональная страница Александра Розина. <http://alerozin.narod.ru/mediter.htm>. См. также: *Негаилов В.* О становлении албанского подводного флота и о начале освоения советскими подводниками глубин Средиземного моря//Подводник России. 2003, № 3.

² Periodic Intelligence Report 3-58 (U). Headquarters United States Army, Europe. Office Of The Assistant Chief Of Staff, G2. 1.10.1958. P. 5. — <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18464&navinfo=14968>

³ The Soviet Presence in Albania Economic aid — and Rocket Bases Too? 27.1.1958. Reference News and Information-Evaluation and Research Section. Background Report. General Desk. N 50. — <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/55-2-246.pdf>

⁴ Док. № 55. Записка посольства СССР в НРА «Состояние и перспективы нормализации албано-греческих отношений. 9 декабря 1958 г.»// КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 211.

Коллективный и скоординированный характер действий союзников по Варшавскому блоку рассматривался его руководством, в котором доминировали советские представители, одним из важных условий развития этого пакта. Проведение 27 октября — 5 ноября 1958 г. специального совещания плановых органов и представителей оборонных ведомств членов ОВД по вопросам «увязки мобилизационных планов» было призвано усилить степень взаимодействия союзников как в военном, так и экономическом отношениях¹. Активность стран-участниц Варшавского пакта осенью 1958 г. достаточно серьезно воспринималась противостоящим Западным блоком в лице НАТО. Оценивая происходящее в балканском секторе коммунистического лагеря, авторы отчёта о деятельности разведки Штаба армии США в Европе отмечали стремление советского руководства добиться повышения оперативных возможностей вооруженных сил СССР, а также союзных вооруженных сил в рамках ОВД². Их внимание привлек вывод пяти советских дивизий из Румынии, осуществленный в 2-х месячный период (с 15 июня по 15 августа) в 1958 г. и имевший значение как в политическом, так и военном отношении для складывавшейся в Варшавском пакте ситуации. Произошедшее являлось свидетельством стремления Москвы «оптимизировать» свои оборонные возможности³. В свою очередь, аналитики американской военной разведки не только отметили этот факт, но и политическую мотивированность проводимых кадровых сокращений в румынских вооруженных силах. Они обращали внимание на недостаточную подготовленность хотя и многочисленных, но пока слабо обученных частей болгарской армии. В аналитическом материале особо отмечалось сокращающееся число советских советников в албанских вооруженных силах⁴. В то же время в соответствии с имевшимися в распоряжении американской разведки данными, во многом отвечавшими действительности, балканская часть Варшавского пакта, несмотря на существовавшую неравномерность распределения военной силы, представляла вместе с центрально-европейской группой, куда входили Восточная Германия, Польша, Чехословакия и Венгрия, важный элемент оборонной системы Восточного блока.

¹ Письмо от Н. Хрущев до Т. Живков относительно предложение за свързване мобилизационните планове на страните от ОВД. Москва, 27.2.1959// България във Варшавския Договор.

² Periodic Intelligence Report 3-58 (U). Headquarters United States Army, Europe. Office Of The Assistant Chief Of Staff, G2. 1.10.1958. P. 9. — <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18464&navinfo=14968>

³ Подробнее о дислокации советского воинского контингента в Румынии см.: *Oprış P.* 1958. Plecarea armatei sovietice din România — între mit și realitate// Anuarul Muzeului Marinei Române. 2002. Constanța, 2003. T. V.

⁴ Periodic Intelligence Report 3-58 (U). P. 7, 8.

Таблица 2

Организационно-численный состав вооруженных сил балканских членов ОВД (без ВМФ) (октябрь 1958 г.)¹

СТРАНА	Кол-во укомплектованных дивизий	Сухопутные силы (кол-во военнослужащих)	Военно-воздушные Силы (кол-во военнослужащих)	Формирования сил безопасности (кол-во военнослужащих)	Общее кол-во военнослужащих
Албания	5 бригад	30 тыс.	1тыс. 500	10 тыс.	41 тыс. 500
Болгария	9	110 тыс.	16 тыс.	30 тыс.	156 тыс.
Румыния	14	215 тыс.	13 тыс. 500	78 тыс.	306 тыс. 500

Примечательным становилось в 1958 г. усиление румынских вооруженных сил и сокращение болгарских ВС, которые проходили в этот период процесс реформирования. Серьезные изменения происходили с 1959 г. в оборонной политике и организации вооруженных сил Югославии. В соответствии с директивой Генерального штаба ЮНА от 5 августа 1959 г. началась реорганизация сил и средств югославских ВС по плану «Дрвар». Целью предпринимаемых мер было создание войсковых подразделений, готовых вести боевые действия в условиях применения ядерного оружия. В основу реорганизации был положен разработанный и принятый в 1957 г. армией США принцип так называемой «пятичленки», т. е. состоящей из пяти подразделений дивизии («Pentomic Division»)², способной самостоятельно вести боевые действия. Однако особенность югославских бронетанковых дивизий заключалась в том, что они состояли из трёх полков. В соответствии с этим принципом дивизия состояла из пяти полков, полк из пяти рот, а батальонное звено ликвидировалось и таким образом повышалась их огневая мощь. Параллельно сокращалась пехотная часть таких подразделений. Армейские области вновь переименовывались в армии, а их бронетанковые силы дислоцировались в соответствии с новой схемой: в составе Первой армии (342 танка) они прикрывали Белград с востока по линии Смедрево-Крагуевац Краљево, в составе Третьей армии (219 танков) танковые подразделения

¹ Составлено по: Periodic Intelligence Report 3-58 (U). Headquarters United States Army, Europe. Office Of The Assistant Chief Of Staff, G2. 1.10.1958. P. 9. — <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18464&navinfo=14968>

² См.: House J. Toward Combined Arms Warfare: A Survey of 20th-Century Tactics, Doctrine, and Organization, United States Army Combat Studies Institute. US Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas, 1984.

располагались по линии Ниш — Приштина Скопье, в составе Четвертой армии (91 танк) они дислоцировались по линии Чаплина — Бенковац — Титоград, в составе Пятой армии (369 танков) танковые силы распределялись по основным направлениям Ястребарско — Петринья — Сисак — Карловац — Загреб — Марибор, и, наконец, в составе Седьмой армии (253 танка) основная дислокация танковых частей была вблизи населённых пунктов по линии Сараево — Осиек — Баня-Лука — Приедор — Модрича¹.

Для Софии вопрос развития военной промышленности становился одним из главных как в хозяйственно-экономическом, так и политическом отношениях, что было обусловлено возможностями мощностей оборонных заводов, способных производить вооружение в больших, чем предусматривалось в рамках Варшавского пакта, масштабах. Данный факт рассматривался в руководстве Болгарии и её высших военных кругах с точки зрения расширения торговли оружием в стратегически важных для коммунистического блока регионах Ближнего и Среднего Востока².

Таблица 3

Советское вооружение и техника, поставленные к концу 1961 г. Балканским странам-членам Варшавского блока³

СТРАНА	ВИД ВООРУЖЕНИЙ И ТЕХНИКИ								
	Танки и самоходные орудия	Артиллерийские установки	БМП	Эскадренные миноносцы	Подводные лодки	Патрульные суда	Миноносцы	Боевые самолеты	Ракетные комплексы земля-воздух
Албания	300	700	0	0	4	14	11	70	2
Болгария	1 тыс. 500	3 тыс. 500	0	3	5	24	19	285	6
Румыния	1 тыс. 400	2 тыс. 600	300	0	0	11	22	300	5

Развитие военной промышленности государств-членов ОВД, включая балканских участников блока, давало в начале 1960 г. основания американской разведке делать вывод о том, что «оборонная продукция блока будет оставаться недостаточной для потребностей военного времени, но тем не

¹ Подробнее в: *Dimitrijević B. Modernizacija i intervencija jugoslovenske oklopne jedinice, 1945–2006.* Bejgrad, 2010.

² Доклад от ген. Ц. Монов относительно предложение до СССР за износ на българска военная продукция, 18.5.1959 г.// България във Варшавския Договор.

³ Составлено по: Special National Intelligence Estimate. Number 11-7-62. Probable Trends In Soviet Military Assistance. SNIE 11-7-62. 24.1.1962. P. 7. — [www.faq.s.org/cia/docs/90/0000272905/PROBABLE-TRENDS-IN-SOVIET-MILITARY-ASSISTANCE-\(SNIE-11-7-62\).html](http://www.faq.s.org/cia/docs/90/0000272905/PROBABLE-TRENDS-IN-SOVIET-MILITARY-ASSISTANCE-(SNIE-11-7-62).html)

менее будет более чем достаточной [в случае необходимости] обеспечить нападение, которое может быть предпринято против сил НАТО в Европе»¹.

Таблица 4

СПРАВКА
«Об объемах взаимных поставок военной техники
между странами-участницами Варшавского Договора в 1961–1965 гг.
(исключается Советский Союз) (в млн руб. в ценах 1961 г.)»²

СТРАНА	ЭКСПОРТ	ИМПОРТ
НРБ	18,2	50,1
ВНР	39,5	48,4
ГДР	62,8	нет сведений
ПНР	142,9	32,8
РНР	13,3	7,0
ЧССР	18,9	14,1

Проблема укрепления региональной обороны Варшавского пакта применительно к Балканскому полуострову рассматривалась в Москве как один из важнейших вопросов всей оборонной политики блока. В этой связи повышалась значимость тех из членов ОВД, которые имели непосредственный выход в Средиземноморье. Одновременно этот же аспект воспринимался соответствующим образом теми из балканских членов Организации Варшавского Договора, кто усиливал свою самостоятельность в рамках этого альянса. Визит Н. С. Хрущева в конце мая — начале июня 1959 г. в Тирану рассматривался как иницилирующий фактор, повлиявший на выдвижение второй румынской инициативы от 10 июня 1959 г. Именно во время пребывания главы СССР в Албании им были сделаны достаточно жёсткие заявления в адрес Афин и Анкары, давших согласие на размещение ракетного ядерного оружия США на греческой³ и турецкой территориях. Суть его позиции сводилась к тому, что в ответ на действия Вашингтона Москва готова разместить ядерное оружие в Албании⁴. Таким

¹ USAREUR/CENTAG Intelligence Estimate. 1960. Headquarters USAREUR CENTAG, Office of A/C of S, G2. 1.1.1960. P. 10. — <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=18452&navinfo=14968>

² *Источник:* Information on Weapons Supplies and Payment in the Warsaw Pact. March 1961 <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?id=16695&navinfo=16161C.6>. Документ из: Российский Государственный Архив Экономики Ф. 4372. Оп. 79. Д. 792. Л. 1–3.

³ Ядерное оружие было размещено в Греции и Турции в 1962 г.

⁴ Тирана была осведомлена о секретном договоре между Вашингтоном и Афинами относительно согласия последних на размещение ядерного оружия в Греции и считала это «путём к Третьей мировой войне». Албанский историк Б. Мета, специализирующийся в области новой и новейшей истории по вопросам греко-албанских отношений, в одном из интервью